

Мягкий и изящный голос раздался, словно струйка лунного света, проникшая внутрь, мгновенно рассеяв мрачную и зловещую атмосферу храма, принеся с собой ощущение лёгкости и радости. Даже две холодные и безжизненные скульптуры будто стали более милосердными.

Лу Сяофэн с удивлением обернулся:

— Хуа Маньлоу?!

Хуа Маньлоу, седьмой сын семьи Хуа из Цзяннани, в роскошных одеждах, с нефритовым веером в руке и улыбкой на лице, словно яшмовый джентльмен, легко вошёл под звёздным небом.

— Что? Ты, Лу Сяофэн, можешь прийти сюда, а я не могу?

Когда Хуа Маньлоу вошёл, Лу Сяофэн заметил, что в левой руке он держит фонарь с цветочным узором. Под лёгким слоем шёлка на фонаре был изображён иероглиф «цветок», словно парящий в воздухе.

Лу Сяофэн замер:

— Конечно, ты можешь.

Хотя Хуа Маньлоу был слеп, его ум был острым, а слух — чутким. Услышав неловкость в голосе Лу Сяофэна, он поднял фонарь и сам объяснил:

— Я несу этот фонарь не для того, чтобы освещать путь, а для того, чтобы освещать себя.

Лу Сяофэн рассмеялся:

— Хуа Маньлоу, Хуа Маньлоу, что мне с тобой делать! Такие чудеса ты тоже умеешь творить!

— Ночные дороги долги, и не у всех есть такие ясные глаза, как у тебя. Поэтому мне приходится придумывать способы, чтобы люди не сталкивались со мной.

Хуа Маньлоу спокойно принял его шутку, поставил фонарь на алтарь, а затем, нащупав рядом, взял три благовония, зажгёт их и установил.

Лу Сяофэн, скрестив руки, стоял рядом, наблюдая за его плавными движениями, и тихо вздохнул — Хуа Маньлоу был слеп, но его внутреннее зрение было яснее, чем у любого зрячего.

— Ну, теперь ты можешь сказать, зачем ты здесь?

Хуа Маньлоу, закончив возложение благовоний, не ушёл, а остался стоять перед алтарём, слегка подняв голову и глядя на две глиняные статуи, обнажая участок шеи, похожий на белый нефрит, который не был прикрыт воротником.

— А ты, Лу Сяофэн, зачем здесь?

Он не ответил, а задал встречный вопрос.

Лу Сяофэн вздохнул и начал ходить кругами:

— Меня подставили, пришлось сюда прийти.

— Кто-то смог подставить тебя? — Хуа Маньлоу обернулся к нему. — Тогда я бы хотел с ним познакомиться.

— Ах, Хуа Маньлоу, я заметил, что ты любишь смеяться надо мной!

Лу Сяофэн с улыбкой потер свои тонкие усики.

— Ты слишком умен, и смеяться над умным человеком ещё интереснее.

Хуа Маньлоу не стал отрицать, что заставило Лу Сяофэна замолчать — если он будет возражать, то признает, что не умен, а если не будет, то придётся смириться с тем, что над ним смеются.

— Я думаю, ты, седьмой сын Хуа, — самый умный человек в мире.

Хуа Маньлоу лишь улыбнулся в ответ.

Закончив шутки, они наконец перешли к делу.

Лу Сяофэн оказался здесь ночью из-за того, что его преследовали сыщики, но причина появления Хуа Маньлоу была куда более изысканной.

— Наблюдать за цветами?!

Лу Сяофэн, поражённый, не сдержал возгласа.

— Верно. Недавно я получил известие, что в Сянхэ скоро состоится фестиваль орхидей.

Хуа Маньлоу достал из рукава письмо.

— Я с самого начала чувствую какой-то аромат, оказывается, это запах бумаги.

Лу Сяофэн взял конверт и вытащил лист бумаги с лёгким ароматом орхидей — нет, это был скорее не просто лист, а стихотворный свиток, на котором аккуратным почерком были написаны четыре строки.

*

На реке Хуанхуа цветочный гость,

В зелёном павильоне скрыт от глаз.

Оставив на берегу рябь,

Превратил в бумагу алый цвет.

*

— Что это значит?

Лу Сяофэн, держа свиток двумя пальцами, перевернул его несколько раз, но не нашёл ничего необычного.

— Это стихотворение Вэй Чжуана из династии Тан, называется «Песня о цветной бумаге». — Хуа Маньлоу слегка покачал сложенный веер. — В нём рассказывается история о бумаге Сюэ Тао.

— И что?

— Сюэ Тао любила красный цвет, но среди десяти видов бумаги, которые она создала, не было белой с орхидеями.

Лу Сяофэн посмотрел вниз. Раньше, при тусклом свете свечи, он не обратил внимания, но теперь, услышав слова Хуа Маньлоу, заметил, что этот свиток не был обычным белым листом — он отливал лёгким голубым оттенком, а на ощупь был необычно гладким и липким.

— Эта бумага...

Лу Сяофэн нахмурился.

— Что?

спросил Хуа Маньлоу.

— Ничего.

Лу Сяофэн покачал головой, вероятно, он просто слишком много думал.

— Ты считаешь, что это стихотворение не соответствует бумаге, поэтому пришёл сюда. Но как ты узнал, что это связано с фестивалем орхидей в Сянхэ?

— Я приехал в столицу месяц назад.

Хуа Маньлоу снова достал свиток и передал его.

Лу Сяофэн посмотрел на него, взял свиток, а затем протянул другую руку.

— Что?

Хуа Маньлоу не видел его движения, но почувствовал внезапную паузу и наклонил голову.

— Если у тебя есть ещё что-то, давай всё сразу, так по одному — это просто мучительно.

— Хе-хе.

Хуа Маньлоу улыбнулся и развёл руками.

— Больше нет.

— Точно?

— Так же точно, как твои усы.

...

*

Цветы — не цветы, туман — не туман,

Приходят в полночь, уходят на рассвете.

Приходят как весенний сон,

Уходят как утренний туман, не оставляя следа.

*

— «Цветы — не цветы» Сяншаньского отшельника?

Лу Сяофэн узнал это стихотворение.

— Верно.

Хуа Маньлоу кивнул.

— Месяц назад я получил это письмо в Цзяннани, в беседке Шихуа. Когда Хуа Пин прочитал его мне, я сначала не нашёл ничего странного, подумал, что это от старого друга.

— И что, как это связано с твоим приездом в столицу?

Лу Сяофэн перевернул лист, но всё равно не нашёл ничего особенного, снова потеряв его пальцами.

— Ты торопишься?

Хуа Маньлоу не ответил прямо, а остановился и наклонил голову.

— Прости.

Лу Сяофэн понял, что был слишком нетерпелив и извинился, переведя взгляд на полуоткрытую дверь.

— Просто у меня плохое предчувствие.

Хуа Маньлоу закрыл веер и сел лицом к двери, всё так же мягко улыбаясь:

— Ничего, услышать извинение от Лу Сяофэна — это стоит того.

— Эх ты!

Лу Сяофэн рассмеялся, указывая на него, его длинные и изящные пальцы замерли в воздухе, словно играя мелодию.

Но, очевидно, эта мелодия была не изящной, как журчание ручья, а холодной, как зимний ветер.

— Снаружи ветрено, друзья, не хотите ли войти и присесть?

Лу Сяофэн произнёс.

С грохотом дверь храма, и так не слишком прочная, взлетела в воздух и разбилась о тёмную стену напротив.

— Ц-ц-ц, как невежливо!

Лу Сяофэн покачал головой, вздохнул с сожалением, а затем посмотрел на Хуа Маньлоу:

— Похоже, сегодня ночью спать не придётся.

— Ты же привык не спать по ночам.

Хуа Маньлоу уже встал, и веер снова оказался у него в руке.

— Что ты имеешь в виду?

Лу Сяофэн почесал голову — только бы это не было тем, о чём он подумал.

— Ты сам не знаешь?

Хуа Маньлоу улыбнулся.

Лу Сяофэн, великий герой, был известен своими похождениями, и его ночные приключения, вероятно, исчислялись сотнями. Он был знаменитым полуночником.

Они не успели продолжить разговор, так как во дворе уже появились люди — группа, которую никак нельзя было назвать друзьями.

— Я забираю свои слова о друзьях, давайте драться.

Лу Сяофэн размял запястье — он не очень любил драться.

— Они не друзья, но есть и другие друзья.

Веер Хуа Маньлоу был раскрыт, на нём была изображена цветущая красная слива, которая ярко выделялась в холодной ночи.

— Ты кого-то позвал?

удивился Лу Сяофэн.

— Нет, это те, кто следовал за мной.

Хуа Маньлоу кивнул в сторону.

— Ха-ха, попробуй проследить за молодым господином Хуа, это непросто!

раздался грубый мужской голос.

— Я же говорил тебе не приходить, это ты, здоровяк, выдал нас!

следом зазвучал мягкий женский голос.

— Ладно, ладно, разве вы не видите, что здесь проблемы? Давайте сначала разберёмся с этим, а потом поговорим!

Глухой и старческий голос, но полный сил.

— Семейство Чай?

Лу Сяофэн, увидев их, с недоумением посмотрел на Хуа Маньлоу.

— Почему они следовали за тобой?

<http://bllate.org/book/16229/1458003>